

Та же сцена на прощанье, что и вчера.

— Я вечером приду, — сообщил он.

— Как пожелаешь, — откликнулась она.

Дверь мягко закрылась за спиной, и он сгорбился, опуская руки. Через три или четыре минуты дверь снова распахнулась. Ему даже не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что она стоит позади и спокойно на него смотрит.

— Сегодня ведь суббота, — напомнил он.

Она продолжала молчать — вопроса он не задал, а говорить просто так она разучилась.

— И зачем ты меня в такую рань вытащила из постели? — поинтересовался он.

— Всегда так, — ответила она после длинной паузы.

Он полной грудью вдохнул ещё прохладный и прозрачный утренний апрельский воздух.

— Одевайся, — скомандовал он. — Пойдём гулять.

Она прикрыла дверь — не захлопнула — и отправилась наверх. Ему были слышны её лёгкие шаги по лестнице. Некоторое время её не было, а потом дверь распахнулась, и он развернулся, чтобы посмотреть... Она была в лёгком светлом пальто и платье чуть ниже колен. На шее шёлковый платок, который мог легко переместиться на голову. Чулки немного темнее её кожи, туфли на среднем каблуке, перчатки и сумочка в тон к туфлям... Тёмные очки. Хорошо одетая маггловская девушка, да и только! Гарри невольно улыбнулся.

— Ты сногшибательна, — пояснил он свою улыбку. — Куда пойдём? — она молча застыла. — Никаких предпочтений?

— Ты пригласил, — пояснила она.

То, что она не повторила “как пожелаешь”, показалось ему просто благословением. Он протянул ей руку, но она явно не поняла этого жеста. Закатив глаза, он взял её руку в свою и крепко сжал. Пока они медленно двигались в сторону парка, она втянула голову в воротник, словно прячась, и о чём-то задумалась.

— Панси, — позвал он. Она не ответила. — Панси!

— Поттер, — неуверенно вздохнула она.

— Ах, вот как ты меня называешь! — картинно возмутился он. — Тогда я тебя буду называть Паркинсон!

— Паркинсон, — согласилась она.

— Но я не хочу называть тебя Паркинсон! — воскликнул он. — Ты — Панси. Вот ты могла бы звать меня Гарри.

— Поттер, — возразила она.

Впрочем, её тон не претерпевал изменений, соглашалась ли она или была против. Он вообще не менялся, что бы ни происходило. Почти. Гарри уже начало казаться, что он в состоянии хотя бы приблизительно улавливать оттенки.

— Я настаиваю, — сказал он. — Ты должна звать меня Гарри. Я так желаю.

— Как пожелаешь, — с готовностью согласилась она.

— Скажи это, — приказал он. — Скажи “Гарри”. Я хочу услышать.

— Поттер, — лениво произнесла она.

Чертовка! Да она издевается! Он совершенно точно был уверен, что на её казавшемся бесстрастным лице промелькнула тень усмешки!словно на земле след от мелькнувшей высоко в небе ласточки. Он потянул её за руку, останавливая и прижимая к себе. Через тёмные очки ему было видно, как она опустила ресницы, и губы её маняще приоткрылись. Вчера вечером они много практиковались в борьбе губ и языков, а теперь вот оказывается, что ей понравилось.

— Мне до ужаса приятно с тобой целоваться, — признался он, приникая к её губам.

Она, конечно, ничего не ответила.

Ближе к полудню ему показалось, что она устала, хоть походка её по-прежнему была такой же лёгкой. Оставив её напротив небольшого кафе, он зашёл внутрь и купил собранную корзинку для пикника — закуски, фрукты, воду и большой термос с чаем. Им даже сдали в аренду большое плотное покрывало, которое можно было использовать в качестве подстилки. Когда он вышел, то обнаружил, что она стоит, повернувшись в сторону небольшой кофейни, где варили хороший итальянский эспрессо. Он подошёл и встал рядом.

— Тебе, наверное, не стоит пить кофе, — нерешительно сказал он.

Она даже не повернула голову в его сторону, неотрывно глядя в сторону кофейни. Как раз в тот момент, когда открылась дверь, выпуская служащего, который нёс заказ сидящим за столиком снаружи посетителям, лёгким порывом ветра до них донесло кофейный аромат, и он мог поклясться, что её ноздри почти незаметно шевельнулись. Это была ещё одна маленькая, почти незаметная деталь в её портрете, который он кирпичик за кирпичиком собирал у себя в голове. Он легонько тронул её руку и зашёл внутрь, купил эспрессо в стаканчике и вручил ей. Она взяла его в обе руки и с достоинством опустила туда носик, прикрыв глаза. Ему показалось, что по лицу её разлилось выражение блаженства. Хотя, конечно, ничего в её лице не изменилось.

Стало уже совсем тепло, и он предложил ей взять у неё пальто. В парке он расстелил свой плащ, и она уселась, изящно подогнув ноги и натянув платье на колени. Намазала бри на предложенную галету и приняла у него кружку с горячим чаем. Она молча глядела на уток в пруду, и он физически чувствовал, как по ней разливается тепло. Платье было с неглубоким вырезом, а платок она сняла, предоставив ему любоваться нежной ложбинкой между ключицами. Выбившаяся прядка волос слегка трепетала, ласкаемая ветерком, и ему казалось, что она почти что жмурится от удовольствия, подставляя лицо навстречу солнцу — с поправкой на микроскопичность проявления её эмоций.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросил он, откидываясь на спину и закладывая руки за голову.

— Мне трудно, — ответила она.

— Я хочу, чтобы ты больше говорила, — пояснил он. — Чтобы ты в итоге рассказала мне всё-всё. Поэтому тренируйся. И не экономь на словах, пожалуйста.

— Зачем? — спросила она.

— Считаю это моей прихотью, — заявил он.

— Что рассказать? — спросила она, минуту подумав.

— Что хочешь, — пожал он плечами. — Расскажи мне, как получилось, что ты делаешь эти замечательные картины?

— Безделье, — сказала она.

— Панси, — попросил он.

— Мне... больше нечем было... заняться, — медленно произнесла она, осторожно пробуя слова

языком, словно шла по битому стеклу. — Со мной... никто не хотел... разговаривать... Денег было... немного... Я... с детства любила рисовать... На чердаке остались. Много.

Он выразительно кашлянул, и она качнула головой, бросив на него быстрый взгляд.

— На чердаке... до сих пор лежат папки... с рисунками... — поправилась она. — Когда... Когда со мной перестали разговаривать... я решила... что толку бесполезно... убиваться... Зашла в магазин к магглам. Купила ниток... книг по вышиванию... Первую картину... я делала... почти полгода. Больно пальцам, — она снова бросила на него взгляд. — На пальцах поначалу... живого места не было. Всё исколола. Вторую уже шила по своему рисунку. Третью удалось продать. Деньги кончились. К тому моменту... деньги почти кончились. Через три года начало получаться...

— Я ничего подобного раньше не видел, — признался он. — Особенно эти две картины в твоей спальне.

— Последняя, — ответила она. — Это я совсем недавно сделала.

— Для себя? — догадался он.

— Для себя, — подтвердила она.

Ему показалось, что она не очень довольна тем, что он вырвал её из заведённого распорядка. Время от времени она сжимала кулаки, словно разминая пальцы, и чувствовалось, что ей не терпится снова оказаться наедине со своим вышиванием. Интересно всё же, как она будет справляться, когда появится ребёнок? Хотя в любом случае он будет рядом. Не удержавшись, он протянул руку и накрыл её ладошку, которая как раз лежала на коленке. Она машинально накрыла его руку другой, а потом отдернула и убрала первую, оставив его ладонь лежать на колене. Он сжал руку и провёл ею вдоль бедра, и тогда она снова вернула руку, как было. Ему было интересно, замечает ли она сама, как её пальцы водят по его кисти, лёгкими касаниями выписывая замысловатый узор, но увидев её полуприкрытые глаза, он не стал спрашивать — она точно знала, что делает, и своим вопросом боялся спугнуть её нехитрое развлечение.

— Хочешь, я тоже что-нибудь расскажу? — спросил он.

— Как пожелаешь, — откликнулась она.

— Скажи мне, Панси, ведь когда ты говоришь “как пожелаешь”, ты точно знаешь, что я сделаю? — улыбнулся он. — И отвечаешь так, чтобы казаться покорной и беспрекословной? Вводишь меня в заблуждение? Прячешь коготки?

Она распахнула глаза и внимательно посмотрела на него, а потом отклонилась назад, опираясь рукой рядом с его головой, другой придерживала волосы, чтобы не попали ему в лицо, и

поцеловала. Оторвавшись села, как раньше, словно ничего и не произошло.

— Я понял, — рассмеялся он. — Это всё — страшная тайна, и я должен по-прежнему считать тебя белой и пушистой, — она не ответила, но, казалось, пожала плечами. — Что ты хочешь, чтобы я тебе рассказал?

— Просто про себя, — ответила она, снова жмурясь. — После школы...

— Я тебе не рассказывал? — удивился он.

— Тебе не до того было, — отозвалась она. — Выпивка и постель... Иногда одновременно. Всегда много.

— Ужас, — покачал он головой. — Ну ладно... После школы... Я ещё в школе твёрдо решил стать аврором... Точнее, чтобы уязвить одну... я дал слово, что стану... Тогда же война была, и мне казалось, что аврор — это сражаться с тёмными силами... Если б я знал!

— Скучно? — поинтересовалась она.

— Не то слово! — воскликнул он. — Вообще не понимаю, какого чёрта две сотни здоровых лбов целыми днями бьют баклуши! Нет, раз в месяц что-нибудь дельное случается, конечно, но две сотни человек... Вот так к тёмным искусствам и приобщаются. Со скуки. Была бы моя воля, я бы их пополам разделил, одни красные, другие синие, и пусть сражаются. Проигравших в Азкабан на пять лет. Оставшихся через год снова пополам поделить...

— Интересно, — безразличным тоном сказала она.

— Три года учился, а потом сдал экзамены и стал аврором, — подытожил он. — Мне стыдно признаться, но сразу после поступления на службу меня сделали заместителем начальника аврората.

— Стыдно? — переспросила она.

— Конечно, — пожал он плечами. — Я же ничего не знал и не умел, помимо общего курса. В двадцать два года уже начинает понемногу понимание таких вещей приходить...

— Женился, — заметила она.

— Да, знаешь, как-то по инерции... — подтвердил он. — От меня все этого хотели, друзья и не очень. Это было так романтично, по общему мнению.

— Гермиона, — напомнила она.

— Ах, да, Гермиона, — согласился он. — Нет, Гермиона не хотела, чтобы я женился. Она сама хотела... Мы даже в течение какого-то времени... А потом я понял, что это инцест.

— Интересно, — повторила она.

— Да уж, — кивнул он. — То есть я её люблю, но как сестру... Хорошо, хоть...

— Не залетела, — закончила она, кладя руку на живот.

— Да, не залетела, — подтвердил он. — Панси?

— Да, — посмотрела она на него.

— Я рад, что у тебя будет мой ребёнок, — сказал он.

Она опять склонилась к нему, чтобы поцеловать.

— Я тоже, — сказала она, разгибаясь.

— В общем, я женился на Джинни, — продолжил он. — И оказалось, что это суший кошмар! Начать с того, что её мать практически жила у нас...

— Приглядывала, — заметила она.

— Да, чтобы я с её девочкой ничего такого не сделал, — усмехнулся он. — Непристойного. Знаешь, вроде того, как затащить законную жену в постель, сорвать одежду... Мне кажется, что у неё самой-то это всего семь раз в жизни было, да и то мужу пришлось её привести в бессознательное состояние. Никакое Муффлиато не помогало — при малейшем подозрительном звуке могла начать колотиться в дверь, высоким голосом интересуясь, что это такое мы там делаем. Поэтому постель была раз в неделю в лучшем случае. Если у молодой жены голова не болит. А болела, как оказалось, часто.

— У меня никогда не болит, — вставила она на всякий случай.

— Я запомню, — кивнул он. — Я начал гулять...

— Изменять? — уточнила она.

— Да, изменять, — согласился он. — Оказалось, что вовсе не нужно было жениться на второй же девушке, с которой оказался в постели...

— А потом встретился... — не утерпела она.

— Нет, — покачал он головой. — Сначала случилось первое горе. Джинни потеряла ребёнка.

— Как? — откликнулась она.

— Ну началось всё с того, что она почувствовала, что скоро наши отношения дадут трещину...
— начал он.

— И залетела, — невозмутимо сказала она.

— И залетела, — подтвердил он. — На пятом месяце Рон вернулся из поездки в Южную Америку с магической лихорадкой. Джинни тоже заболела...

Она вздрогнула и снова положила руку на живот. Он накрыл её своей и сжал пальцы.

— Джинни запила, да и я тоже был почти на грани того, чтобы утопить горе в вине, — подтвердил он её догадку. — А ещё через несколько месяцев я встретил... Встретил другую...

— И влюбился, — откликнулась она.

— Я тогда вообще ничего не замечал, — пояснил он.

— Я знаю, — кивнула она.

— Когда я развёлся с Джинни, мне показалось, что она даже не поняла, что произошло, — сказал он. — А потом...

— Покончила, — предположила она.

— Да, — согласился он. — Да ещё и в нашу брачную ночь... В первую нашу ночь...

Он замолк, глядя в небо. Она спокойно сидела рядом, поглаживая его руку.

— Я хочу домой, — вымолвила она ещё через полчаса, когда небо на западе уже начало окрашиваться в оранжево-розовые цвета.

— Ты не против, если я навяжусь к тебе в гости, а потом останусь на ночь в твоей постели? — спросил он. — Всего лишь согреть постель, конечно.

— Как пожелаешь, — ответила она.

Когда они добрались до её квартиры, она отправила его мыть руки, а сама убежала вверх по ступенькам — переодеться и привести себя в порядок. Он уселся в гостиной и открыл наконец-то книжку Генри Каттнера, когда она вернулась — уже в обычном своём домашнем наряде — и прошла на кухню. Книга оказалась совсем не про волшебников, и через некоторое время ему стало скучно. Вернув её на место, он пошел посмотреть, что делает Панси.

Она стояла у кухонного стола, что-то там резала и закидывала в бурлящую кастрюлю. Когда он подошёл, она как раз изогнулась потянувшись за какой-то специей, и платье соблазнительно натянулось на ягодице. Не удержавшись, он звонко шлёпнул аппетитную округлость и улыбаясь встал рядом, заглядывая ей в лицо. Она словно остолбенела и расширившимися глазами глядела сквозь стену перед собой, совершенно забыв про свое варево.

— Во-первых, у меня в руке большой острый нож, — с едва заметным удивлением в голосе сказала она через полминуты.

Он подтянулся к ней вплотную и положил одну руку на животик, а другой стал сжимать пострадавшую выпуклость. Она развернулась, чуть не ткнув-таки в него ножом, и он прижал её к себе.

— А во-вторых? — спросил он, сомкнувшись с ней лбами.

— Что? — не поняла она, облизывая губы.

— Ты сказала — во первых, — пояснил он. — Значит, должно быть и “во-вторых”.

— А во-вторых... — сказала она. — А во-вторых...

— А во-вторых, — подсказал он.

— Пусти! — сказала она. — Сейчас же! Вот почему я не хочу, чтобы ты заходил на кухню!

— Панси... — начал он.

— Пусти! — упрямо повторила она, стремительно краснея.

Он с досадой разжал руки и поднял их, показывая пустые ладони. Она сразу же отвернулась к

столу и стала лихорадочно шинковать разбросанные овощи, закидывая их в латку. Убавила огонь и судорожно вздохнула, откладывая нож в сторону. Упёрлась руками в край стола и нависла, снова глядя в никуда.

— Панси, — позвал он.

— Уходи! — откликнулась она.

Он подошёл сзади и снова прижался, просунул руки под мышки и сжал грудки. Она опять вздохнула, но на этот раз, как ему показалась, с облегчением. Провёл руками по талии, опустил на бёдра и потянул вверх платье. Она повернула голову, одновременно откидывая назад и прикрывая глаза, и он сразу нашёл её губы.

Она всё точно рассчитала — после того, как они хорошенько проверили кухонный стол на прочность, он избавил её от остатков одежды и отнёс на диван в гостиной, где повторно закрепил успех. Едва отдышавшись, она пулей умчалась собирать бельё и принимать душ, пока он блаженно тарачился в потолок, раскинувшись на диване.

— Ужин, — сообщила она, выводя его из состояния дремоты и одновременно сообщая ему, что запас слов на сегодня исчерпан.

Она уже выглядела безукоризненно и пахла свежестью. Волосы снова были уложены, а платье предпочла надеть другое — более строгое и облегающее, причём настолько облегающее, что ему явно было видно полное отсутствие белья под ним. Он было вскочил, пытаясь её поймать, но она скользнула в сторону и с независимым видом увернулась, не приложив даже, как казалось, никаких усилий. Рядом лежал комплект его одежды. Когда он уже полностью оделся и застёгивал пуговицы рубашки, она подошла вплотную, чтобы поправить ему воротник. Он невольно потянулся к ней руками.

— Нет, — сказала она.

— Но Панси... — начал было он.

— Ты знаешь, что значит “нет”? — поинтересовалась она. — Даже в запое ты понимал.

— Прости, — вздохнул он. — Можно мне тебя просто поцеловать?

Она подставила щёку, надув её и губки, позволила ему коснуться её поцелуем и порхнула в сторону уже накрытого стола, дожидаясь, пока он займёт предназначенное ему место. Как обычно, он знаком предложил ей сесть и уселся сам. На ужин была баранина, тушёная с овощами. Он взял в руки приборы и стал примеряться, с какого кусочка начать. Моргнул — и перед глазами внезапно оказалось гладко вычищенное кусочком хлеба дно тарелки. Он с недоумением и обидой посмотрел в тарелку, а потом на Панси, которая в обычной манере лишь

скользнула по нему взглядом.

— М-м, — замялся он. — А добавки не будет? А то как-то неожиданно всё кончилось...

— Приятно, — сказала она. — Погоди, сейчас...

— Я сам, — вскочил он и пошёл с тарелкой на кухню.

Он поставил тарелку рядом с латкой и положил себе ещё порцию. Шагов он не услышал, но звон шлепка тонкой ладошки по его заду заполнил собой всю кухню. Она встала рядом, опираясь боком на стол и пристально вглядываясь ему в глаза.

— Руку отшибла? — догадался он, разворачиваясь к ней. — Дай, подую!

Она подала ему ладонь, и он стал нежно дуть, а потом приложил к щеке.

— Ну как? — спросил он.

— Интересный... эксперимент, — откликнулась она.

— Тебе понравилось? — поинтересовался он.

— Когда? — переспросила она.

— Сейчас... и когда я... — улыбнулся он.

— Тогда было неожиданно, — ответила она. — Я растерялась...

— Я тебя обидел? — встревожился он. — Прости, пожалуйста.

— Нет, — сказала она. — Я потом поняла... Это как заявил своё право...

— Ну это же всё совсем не так, — чуть не расстроился он. — Это как отдать должное красивой попке... Ну как мне тебе объяснить...

— Я тебе дала это право, — спокойно заметила она. — Всё хорошо.

— То есть ты не против... выражения восторга таким способом? — кусая губу, спросил он.

— Как пожелаешь, — откликнулась она.

— А ты? — поинтересовался он. — Как тебе?

— Словно я заявила своё право, — сказала она. — Будто моё.

— И как? — продолжал допытываться он.

— Ново, — ему почудилось, что она пожала плечами. — Ужин не закончен.

Они вернулись за стол, и он с энтузиазмом накинулся на добавку. Она готовила просто замечательно, и если пойдёт такими темпами, то очень скоро он перестанет помещаться в дверной проём. Как после шестимесячного запоя сохранить здоровый цвет лица и круглые щёки? Секрет прост — всего лишь нужно заснуть в правильном сугробе. И тогда, может, тебе повезёт, и какая-нибудь заботливая умница принесёт тебя домой и даже не будет возражать, когда ты решишь злоупотребить её гостеприимством... Впрочем, она всё делала просто замечательно, не только готовила. Не считая, конечно, более чем пассивного подхода к близости. Но этот предмет он с ней точно обсуждать не будет, по крайней мере, сейчас.

— Спасибо, — сказал он, вытерев рот салфеткой. — Было очень вкусно!

— На здоровье, — отозвалась она, но вопреки обыкновению не двинулась с места, чтобы пронестись маленьким смерчем, убирая со стола, а зачем-то поглядела на него.

Пристально и не отрываясь. Конечно, на вид её взгляд был столь же бесстрастен, как обычно, но отчего-то ему стало неудобно. Он мог бы сказать, что её мысли вышли из накатанной колеи и отправились гулять по совсем неизведанным тропам, но он за эти несколько дней так и не смог понять, о чём она вообще думает. Если бы он попытался догадаться по выражению лица, то получилось бы, что в мыслях у неё — просто тихий шум листвы в вечернем саду, хотя ему и было понятно, что между внешним и своим внутренним миром она воздвигла высокую каменную стену, через которую могли перебраться лишь самые сильные её эмоции, да и то при этом потеряв почти все силы на преодоление препятствия.

Сейчас видно было, что она пытается что-то для себя решить. Нет, выражение лица не сменилось, всё так же оставаясь бесстрастным, но то, что она не скользнула по нему взглядом, как обычно, а задержалась, уже что-то значило. И, как ему показалось, значило что-то не очень для него приятное. Поднявшись, он взял стул, поставил его рядом с ней и уселся. Взял её ладонь в руки и заглянул в глаза, которые всё это время неотрывно за ним следили.

— Что не так? — спросил он. — Что тебя тревожит?

Она опять вышла за рамки обычного поведения и ответила сразу, без задержки, — может, даже раньше, чем он закончил вопрос, — словно ждала и заранее заготовила свой

немногословный ответ.

— Тебя слишком много, — откликнулась она.

— Я тебе мешаю? — не понял он. — Ты меня не хочешь видеть?

— Хочу, — возразила она. — Проблема.

— Почему? — ошарашенно спросил он. — Почему ты считаешь проблемой то, что хочешь меня видеть?

— Одна, — ответила она. — Всегда.

— Нет-нет, — замотал он головой. — Да что же ты такое говоришь?

Она не ответила, но взгляд отвела, и теперь так же спокойно смотрела в сторону. Он отодвинулся со стулом, встал и потянул её за собой.

— Иди сюда, — позвал он, поднимая её со стула.

Как ему показалось, она раздражённо поджала губы, — по крайней мере, он мог поклясться, что они сдвинулись на долю миллиметра, — и подчинилась... Ему не хотелось думать, что он ей действительно может приказывать, тем более, что он точно знал, что она всё равно поступает так, как именно ей кажется нужным, сколько бы она ни повторяла "Как пожелаешь"... Она последовала за ним, и по лицу вслед за недовольством пробежала тень любопытства. Очень бледная и неясная тень, которую он тем не менее разглядел. Он уселся в кресло и легонько потянул её к себе. Она, тем не менее, не поддалась и осталась стоять. Он сел прямо и потянул её за талию.

— На колени? — спросила она, едва заметно сдвинув брови. — Так труднее.

— Я не собираюсь облегчать тебе задачу, — пояснил он. — Даже наоборот! Если я правильно угадал, что ты хочешь мне сказать, то скажи это, сидя у меня на коленях. Раз уж ты такая решительная и смелая!

— Я — нет! — возразила она.

— Тогда просто сядь ко мне на колени и молчи, а про своё выступление и думать забудь! — сказал он и снова потянул её на себя.

Она уселась прямо и замерла, прислушиваясь к ощущениям. Потом немного поёрзала, и он

воспользовался этим, чтобы притянуть вплотную. Она ещё посидела и снова поёрзала. Впрочем, её ощущения в этот момент он отдалённо мог понять. Если уж она до среды ни разу в жизни не целовалась, то вряд ли до этого позволила кому-нибудь усаживать себя на колени. Разве что родителям, да и то в нежном возрасте. Кстати, где они? Ещё немного повозившись, она наконец застыла и поглядела на него с торжествующим видом. По крайней мере, мелькнувший в глазах блеск ему не померещился.

— Это не всё, — улыбнулся он и за шею притянул её к себе.

С лёгким сопротивлением она позволила положить свою голову на плечо и снова принялась ворочаться, пытаясь, видимо, понять, в чём тут подвох. Он при этом поглаживал её по спине, чтобы немного облегчить потенциальные страдания. Что-то для себя уяснив, она отстранилась, просунула ему руку под голову и снова опустила голову, уткнувшись носом в шею. Он тем временем подтягивал вверх подол её платья, и когда она затихла, просунул под него руку и принялся гладить и сжимать её бёдра.

— Рука, — тихо сказала она.

— Я же сказал, что намереваюсь затруднить тебе задачу, — пояснил он, целуя её в щёку. — Ты всё ещё хочешь мне что-то сказать?

Рука проникла между бёдер, нежно стискивая внутреннюю поверхность. Она задышала тяжелее и сначала крепче сжала их, а потом наоборот слегка раздвинула, позволяя ему продвинуться вверх.

— Хочу, — наконец выдохнула она, горячим дыханием опалая ему шею.

— Сказать? — уточнил он, поскольку положение было столь же двусмысленным, как и её ответ.

— Сказать тоже, — откликнулась она и еле слышно простонала, когда его пальцы начали её ласкать.

— Я слушаю, — шепнул он, дотянувшись той рукой, что обнимал её, до груди.

— Ты... должен... уйти, — через силу проговорила она.

— Я же не могу этого сделать просто так, — удивился он. — С чего бы?

— Я думаю, — пояснила она. — Много. Почти всё время...

— О чём? — спросил он.

— Обо всём, — откликнулась она. — Сегодня... позволил себе... вольность... Я буду думать... Много.

Из неё вышел почти неслышный протяжный стон, она порывисто обняла его и выгнулась, чтобы облегчить доступ его пальцам.

— Я не хочу думать... А-ах... — продолжила она. — Ни о ком. Только смирилась... Сжилась... с собой. Ты уйдёшь. Будет плохо. Очень. Лучше сейчас, пока...

Она резко согнулась и свела бёдра, сжимая его кисть ногами и вцепившись в предплечье свободной рукой, и он почувствовал, как её трясёт. Голову запрокинула назад и раскрыла рот, словно крича. Он остановил ласки и принялся покрывать обнажённую шею поцелуями.

— А-ак-ак, — неслышно выдавила она из себя, тяжело дыша.

Несколько минут она приходила в себя, а потом задвигала бёдрами, прогоняя его руку. Штанина на бедре пропиталась влагой, но это его не беспокоило, как, похоже, не беспокоило и её. Она села ровно, глядя перед собой.

— ...Пока не стало поздно, — закончила она.

— Пока не стало поздно — что? — поинтересовался он, борясь с искушением облизать пальцы.

— Пока не привыкла, — пояснила она.

— Пока ты не поверила, что так будет всегда? — переспросил он.

— Да, — ответила она.

Он отстранился и поцеловал её в губы. У неё получалось всё лучше, и он быстро почувствовал, как сам распяляется, заводя одновременно и её.

— Тебе стоило меня прогнать в первую же ночь, — сказал он, касаясь носом её носа.

— В рождество? — удивилась она. — Подарок.

— Какой подарок? — не понял он.

— Поттер, — пояснила она.

— Ты опять пошутила? — улыбнулся он и легонько коснулся её губ своими.

— Да. Нет, — ответила она.

— То есть ты подобрала меня в сугробе в ночь на рождество, а когда я пришёл к тебе, ты решила, что после всех лет одиночества даже Поттер — это замечательный подарок? — не поверил он.

— Да, — согласилась она. — Не так, но да.

— Я ничего не понимаю, — покачал он головой. — Объясни, пожалуйста.

— Ты решил, что твоё, — повторила она. — Я дала тебе это право.

— Я это уже слышал! — раздражённо заметил он. — И мало того, что мне каждый раз кажется, что я тебя принудил силой, так ещё и...

— Не спросил, когда, — перебила она.

— Что — когда? — не понял он.

— Дала право, — спокойно ответила она.

Мысль метнулась стрелой, собирая её скудные слова, достраивая предложения и вываливая обратно на него. От догадки открыл рот.

— Ты была рада, что это именно я? — спросил он. — Ты уже была... Ты... Ты...

— Много слов, — ответила она.

— К чёрту, — помотал он головой. — Учись разговаривать! Я хочу услышать! Ты мне должна рассказать, почему ты хотела, чтобы я...

Она потянулась к нему с поцелуем, затыкая рот, а потом стала расстёгивать рубашку. Он сразу понял, что она хочет сделать, и задрал на ней платье до талии, полностью оголяя всё, что ниже.

— Диван, — шепнула она.

Он поднялся с ней на руках, положил её на диван и за десяток секунд полностью избавился от

одежды. Она села, расстегнула молнию на платье и сняла его через голову как раз к тому моменту, как он опустился на колени между её бёдер. Притянула к себе за талию, он сразу вошёл в неё и одновременно впился в губы.

— Панси, — тихо сказал он.

— Поттер, — отозвалась она.

— Ты только что предложила мне заняться любовью, чтобы я к тебе не приставал с расспросами? — поинтересовался он, постепенно повышая темп.

— А-ха, — выдохнула она.

— Ты должна мне рассказать, Панси, — сказал он и замер, полностью в неё войдя и прижавшись.

— Подло, — заметила она, тяжело дыша, когда поняла, что продолжать он не собирается.

— Я знаю, — согласился он. — Это шантаж, и нет мне прощения. Рассказывай!

— Сейчас? — спросила она и он кивнул. — Грустно. Было плохо. Очень.

Он снова поцеловал её, вышел, приподнял ей ногу, подныривая, лёг рядом и снова вошёл, а её нога оказалась поверх его бёдер. На этот раз её глаза совершенно явно округлились — положение для неё оказалось настолько внове, что удивление от того, как это получилось, смогло пробить стену её отчуждения. Он прижал её к себе, подложив руку под шею, сжал грудь и немного подвигался, входя глубже.

— Если воспоминания будут совсем ужасными, я буду тебя поддерживать, — пояснил он. — Рассказывай потихоньку.

— Потом, — взмолилась она. — Обещаю.

— Нет, сейчас, — качнул он головой и поцеловал её. — Ну, давай же.

— Я много думала, — вздохнула она после паузы. — Не сделала ничего. Так?

Она взглянула ему в глаза. Он усмехнулся.

— Думаю, что уж как минимум половина присутствующих думала так же, — пояснил он. — То, что ты решилась это произнести вслух, лишь говорит либо о твоей смелости, либо о твоей

катастрофической недооценке смелости этой половины. Они просто в штаны наложили! Малфой на тебя направил палочку даже раньше, чем кто-либо из Гриффиндора.

— Он приходил, — кивнула она. — Предлагал. Клеймо. В подвал.

Он непроизвольно дёрнулся, и она тихо простонала в ответ.

— К нему в подвал? — процедил он. — В клетку? Рабыней? С клеймом? Убью...

— Думала... встретиться с Поттером, — продолжила она, глядя в потолок и медленно при этом двигая тазом. — Думала... поймёт.

— Я понимаю, — откликнулся он. — Но не принимаю. Я был готов за любого ученика в школе сражаться и думал, что все должны быть такими же... На голову ударенными.

— Думала... если Поттер простит, то и остальные, — вздохнула она и снова поглядела на него.
— Я знаю, Поттер. Была в отчаянье. Крыша поехала. Зациклилась. Никто не разговаривает — я молчу. Поттер добрый...

Она замолкла и прикрыла глаза, отдавшись ощущениям.

— Погоди, — покачал он головой. — Я не верю. Ты же не могла придумать себе, что я волшебным образом приду и решу все твои проблемы? Скрашу одиночество, затащу в постель, возьму замуж?

— Больше никто, — вставила она, облизывая губы.

— То есть я по твоему мнению был единственный, кто стал бы с тобой разговаривать? — не поверил он.

— Сам подумай, — предложила она и сжала его руку на груди. — Кто ещё?

Он понимал, что она права — действительно, Гриффиндор единодушно её ненавидел, а остальные либо были того же мнения, либо просто побоялись бы оказаться замеченными в её компании. Кроме Поттера, беспечно храпящего в Визенгамоте и ломающего... э-э, столы Министру, действительно некому.

— И ты влюбилась в своего выдуманного спасителя? — спросил он.

— Нет, — откликнулась она. — Просто дала право.

— Ворваться в твою спальню и надругаться? — покачал он головой.

— Как сейчас? — спросила она.

— Нет, сейчас мы занимаемся любовью, — возразил он. — Ну хорошо, я понял. Ты мне дала право заниматься с тобой любовью. Ты ведьма и не позволила бы ничему случиться против твоей воли. Но почему ты занимаешься любовью с тем, кого не любишь?

— Ты меня? — спросила она. Он не ответил, и она прокомментировала: — Жаль!

— Ты же меня тоже не любишь, — ухмыльнулся он.

— Почти доброжелательно, — возразила она. — Кто знает.

Из уст Панси Паркинсон это был настоящий комплимент — она к нему относится почти доброжелательно. А любовью с ним она занимается, потому что решила, что не против, если это будет он. Так же, как он с ней занимается любовью, потому что совсем не против. Дураком, в общем-то, нужно быть, чтобы отказаться. Или иметь другие обязательства. И действительно, кто знает, как изменится её “почти доброжелательно” в будущем?! Он крепче её прижал, и она первой подставила губы, обхватывая его голову свободной рукой.

Когда он проснулся утром, она ещё спала, и ему удалось выскользнуть из постели раньше неё. На этом везение и закончилось — уже на выходе из комнаты он задержался, не в силах совладать с соблазном, и поцеловал её в губы. Конечно, она сразу же сонно заморгала глазами и потянулась. Он снова не удержался и обнял её, уткнувшись носом в волосы.

— Поттер, — сказала она.

— Лежи, — попросил он. — Поспи ещё немного или просто поваляйся с утра в постели.

— Завтрак, — напомнила она.

— Полежи, — повторил он. — Не волнуйся!

Он натянул трусы и побежал вниз, по пути думая на ходу, что последнее замечание было, пожалуй, лишним — она всегда была непробиваема, как танк, по крайней мере, внешне. На кухне поставил чайник, из пары десятков апельсинов выдавил около полутора литров сока, взболтал омлет на двоих, покрошил лука, сладкого перца, помидоров и итальянских колбасок, слегка всё поджарил, залил омлет и засыпал сверху сыром. На другой сковородке один за одним поджарил в сливочном масле тосты, каждый раз очищая сковородку. Заварил чай и сварил кофе, разложил всё по тарелкам, разлил напитки, поставил это всё на найденный большой поднос для завтрака в постели и понёс наверх.

Казалось, она даже не двинулась, всё так же лёжа в постели, но ему сразу бросилось в глаза, что она как минимум успела умыться и причесаться, а потом вернуться в постель и притвориться спящей. Да ещё и изогнувшись, как умеют только кошки и желающие продолжения вчерашнего девушки. Он склонился и ещё раз её поцеловал, и она повторила свои сонные потягивания на “бис”, наконец разглядела у него в руках поднос, распахнула глаза и рывком села.

— Что это? — спросила она.

— Завтрак, — улыбнулся он. — Ты прости, я немного похозяйничал у тебя на кухне...

— Поттер, — произнесла она, как ему показалось, немного ошарашенно.

Он поставил поднос ей на колени и подтянул ещё одну подушку, укладывая её под спину. Она устроилась поудобнее, укутываясь в одеяло, и склонилась к подносу, разглядывая, что на нём. Собственно, завтрак был совершенно незатейливым, но ему показалось, что глаза её горят огнём, когда она, сложив ладони вместе, будто прицеливается к неземному лакомству.

— Вот, смотри, тосты, а к ним у тебя нашёлся сыр и паштет, — пояснил он, усаживаясь рядом с её ногами. — К манчего я обнаружил айвовое варенье, вот я положил в розетку. Тебе сока налить?

Она встряхнула головой с необычной для неё энергией и взяла в обе руки чашечку с кофе.

— Это мне? — спросила она на всякий случай.

— Нет, — покачал он головой. — Но я подумал, что тебе будет приятен запах...

Она поднесла чашечку к носу и зажмурилась, вдыхая. Он совершенно явно увидел, как уголки её губ поползли вверх. Это настолько его потрясло, что он даже выпал из реальности, вытаращив глаза, а она, заметив его взгляд, снова нацепила на лицо бесстрастную маску.

— Нет, — помотал он головой, когда этот слабый намёк на улыбку опять исчез.

— Что? — переспросила она.

— Верни, пожалуйста, — попросил он. — Это ведь ты улыбнулась, правда? Я снова хочу это видеть!

— Показалось, — качнула она головой.

Он сполз с кровати, вставая рядом с ней на колени.

— Прошу тебя, Панси, пожалуйста! — взмолился он. — Улыбнись ещё раз. Улыбнись мне!

Она некоторое время строго на него глядела, а потом смягчилась, и на лице её появилась слабая смущённая улыбка. От избытка чувств он вскочил и обнял, чуть не своротив с её колен поднос. Она легонько оттолкнула его, и он вернулся на место, давая ей возможность приступить к завтраку. Вот, казалось бы — всё предусмотрел, ан нет! Взял только нож для паштета, и теперь она чуть ли не с осуждением на него смотрела, примериваясь, чем намазать масло.

— Я сейчас, — вскочил он, но она успела поймать его за руку.

— Не уходи, — попросила она. — Пожалуйста. Справлюсь.

Он снова сел на место и приступил к омлету, ломая его вилкой под её неодобрительные взгляды. Когда уже всё оказалось съедено, он забрался на кровать рядом с ней, пока она не торопясь смаковала остатки апельсинового сока.

— Тебя слишком много, — сказала она, глядя сквозь стену напротив.

— Лучше улыбнись ещё раз, — попросил он.

— Тебя слишком много, — отрезала она.

Он ждал, что она ещё вернётся к этому разговору — по её картинам было видно, что она упряма и настойчива, и такая мелочь, как его попытка отвлечь близостью, не могла повлиять на её решимость. Поэтому он был готов.

— Я понимаю, что ты отвыкла быть с кем-то ещё, — сказал он. — Если тебе нужно, я могу оставить тебя до вечера, а потом вернуться...

— Нет, — возразила она, снова пригубив стакан с соком.

— Нет — не уходить? — не понял он.

— Не приходите, — пояснила она.

— Я не понимаю, Панси, — сокрушённо покачал он головой, усаживаясь к ней лицом. — Почему ты хочешь, чтобы я ушёл?

— Привыкла одна, — пояснила она, чуть двинув плечами.

— Но ты же теперь не будешь одна, — возмутился он. — У тебя есть я и будет ребёнок.

Она не сразу ответила ему. Несколько минут маленькими глотками молча прихлёбывала сок, и он ждал.

— Это не твой ребёнок, — вдруг сказала она.

Он почувствовал, что в глазах темнеет. И не только потому, что уже привык к мысли, что скоро станет отцом, и уже не собирался так просто с этой мыслью распрощаться. Нет, помимо этого он неожиданно осознал, что мысль о том, что она была с другим, не то, что ему неприятна — она болезненным холодом уколола сердце, одновременно плеснув яростью в голову.

— Ах, вот, как, — выдавил он, борясь одновременно с желанием закричать на неё во всю мощь лёгких или схватиться обеими руками за голову, чтобы больше вообще ничего никогда не слышать.

Он вспомнил, что где-то у неё была бутылка отличнейшей ледоводки, которую она заботливо припасла для него, вскочил с кровати и, не обращая внимания на шум за спиной, ринулся вниз, чтобы скорее снова впасть в спасительное забытьё. Два лестничных пролёта до первого этажа заняли ровно четыре секунды. Он пулей влетел на кухню, сразу найдя взглядом бутылку, с ходу схватил её и другой рукой отработанным движением мазнул по горлышку, заставив крышку прокрутиться на резьбе и взлететь в воздух. Сделать он успел лишь несколько глотков — потом ледяные иглы впились в горло, мешая даже дышать, а извилины мозга промёрзли ледяными торосами, тормозя и останавливая все мысли. Он осторожно выдохнул, предчувствуя, как сейчас волной накатит забвение, но ничего такого не произошло.

— Панси? — спросил он, открывая глаза.

Убедившись, что отрезвляющее заклинание подействовало, она опустила палочку и отобрала у него бутылку.

— Это мой ребёнок, Поттер, — недовольно сказала она, ища, чем бы прикрыться.

Даже несмотря на пафос момента, он не отказал себе в удовольствии полюбоваться на обнажённую девушку, лихорадочно перебирающую безнадёжно маленькие кухонные полотенца, и сел, откидываясь на спинку стула. Наконец, она просто надела передник, отчего сделалась ещё более соблазнительной, и тоже уселась напротив, всё ещё пытаясь прикрыться. Потом сдалась и расслабилась, возвращая на лицо обычную маску.

— Это мой ребёнок, — повторила она. — Ты... помог. Не более.

— Я так не согласен, Панси, — покачал он головой.

Дурацкая ревность теперь казалась глупой. Он опять забыл, что она ему говорила, и это ей следовало на него обижаться. В её жизни не было никого, кроме найденного в сугробе рождественского Поттера, и неуклюжесть её формулировки не оправдывала его собственной глупости. Он был благодарен ей за великодушие, с которым она не стала тыкать этим ему в глаза.

— Это мой ребёнок, и я его люблю, — твёрдо сказал он.

— Тебя слишком много, Поттер, — грустно сказала она. — К хорошему привыкаешь. Ты уйдёшь... Будет больно. Лучше сразу. Прошу тебя.

— Я никуда не уйду, — покачал он головой. — Я хочу быть здесь, Панси. Сейчас здесь моё место.

— Пари? — предложила она.

Отчего-то ему стало неуютно от уверенности, которую она излучала, предлагая ему поспорить.

— Я чего-то не знаю? — осторожно спросил он.

— Не помнишь, — поправила она.

— Что-то ужасное? — поинтересовался он. — Может, ты мне уже расскажешь?

— Сначала уберусь, — сказала она, вставая.

— Нет, — вскочил он. — Я сам. Я всё уберу и помою посуду. Сиди, пожалуйста.

— Вот так? — спросила она, показывая руками на своё фривольное одеяние.

— Так просто идеально, — кивнул он, обнимая её за плечи и целуя. — Никуда не уходи!

Как ни странно, но она послушалась, лишь подложила себе на стул полотенце. Он собрал грязную посуду, принёс в раковину, не забыв закинуть туда же грязные сковородки, лопаточки и разделочную доску, и поставил мыться, произнеся предназначенное для этого заклинание, которое ему как-то показала Флёр. Посуда окуталась облачком капелек воды и покрылась сверкающими комочками пены, которые вместе очищали от грязи и смывали. Процесс должен был занять около пяти минут, потом стоило произнести заклинание, сортирующее посуду, расставляя её по местам, и уборку можно было считать законченной. Он пододвинул стул к

Панси и приготовился слушать, взяв её ладони в свои.

— В рождество ты ушёл, — сказала она. — Не знаю, куда. Потом... снова нашла...

— Панси, — попросил он. — Напрягись, пожалуйста.

Она взглянула на него — как ему показалось, с укором.

— На следующий день, в рождество, ты ушёл, — повторила она. — Я думала, что больше тебя не увижу, но каждый день приходила к тому сугробу.

— Ты меня опять в нём нашла? — с улыбкой спросил он. — А когда?

— Через неделю, — неохотно пояснила она.

— То есть тебе ещё и на Новый Год подарок сделали? — удивился он.

— Ну и самомнение, — безучастно откликнулась она. — Ты — не подарок, Поттер.

— Готов поспорить, что за пять минут смогу тебя заставить умолять забыть про эти слова, — усмехнулся он. — Пари?

— Не будем, — согласилась она. — Всё повторилось. Помыла, уложила, пришёл и потребовал... — он замолкла, словно колебалась. — Я пришла и предложила... — она бросила на него короткий взгляд и опять поправилась: — Никуда не ходила. Уложила с собой...

— Панси, — напомнил он.

— После того, как я тебя помыла, сразу уложила с собой, — повторила она. — У меня как раз всё перестало болеть после первого раза. Ты не дал мне уснуть. Тогда всё и произошло... — она опустила глаза, разглядывая животик. — Я тебе не сказала... Спасибо, Поттер.

— Панси, глупенькая, это тебе спасибо, — улыбнулся он.

Она пристально на него посмотрела, слегка склонив голову набок, видимо, оценивая, позволено ли ему называть её "глупенькой".

— Раз в пять-семь дней ты приходил, — продолжила она. — Было хорошо. В феврале пришёл не один.

От неожиданности он поперхнулся.

— С другом? — ужаснулся он.

— С подругой, — ответила она. — Словно к себе домой.

— Ну и свинья! — возмутился он. — И ты мне позволила?

— Ты не спрашивал, — пояснила она. — Словно к себе домой.

— Кто она? — выпалил он.

— Та, ради которой ты бросишь всё на свете, — откликнулась она.

— Что я брошу? — ошарашенно пробормотал он. — Да что ты всё загадками говоришь?

— Она была против спать вместе, — с какой-то мстительной интонацией сказала она. — И ты лёг с ней в другой спальне. Мне больно. Поттер, ты слышишь? Мне больно. Поттер!

Чёрт, да это же она не про свои переживания говорит. Опомившись, он отпустил её руки, которые, как оказалось, сдавил, словно в тисках, и она встряхнула побелевшими кистями, разгоняя кровь. Лицо её при этом ни на секунду не потеряло своей беспристрастности.

— Ты сначала лёг с ней, — беспечно заметила она. — Мне было прекрасно слышно...

— Чёрт! — воскликнул он, чувствуя, что от стыда готов провалиться сквозь землю, вскочил и понёсся в гостиную.

— Скажи мне, Поттер, — спросила она вдогонку. — Это нормально, что она так громко кричит? Ей точно не больно? Ты её не обидел?

Он добежал до уборной на первом этаже, включил кран с холодной водой и засунул под него голову. Сердце постепенно перестало колотиться в виски, и стало легче. Разогнувшись, в зеркале он увидел её.

— Ответь, — попросила она.

— Не знаю, — буркнул он. — Вряд ли я кому-то стал бы делать больно... Я тебе когда-нибудь делал больно?

— В первый раз, — ответила она, опустив глаза. — Сейчас, — показала она ему кисть, которая теперь краснела, явно обещая превратиться в сплошной синяк.

— Прости, — сказал он и зарылся в полотенце. — А первый раз... Это всегда так.

— Я знаю, — откликнулась она. — Знала, чего ожидать.

— Кто она, Панси? — спросил он.

— Иногда приходил с ней, — продолжила она, не обратив внимания на его вопрос. — Иногда без неё... Теперь ты в сознании и вспомнишь. Но сам. Ты детектив. Пора за работу.

— Как мне работать, если главный свидетель моего преступления не желает сотрудничать со следствием? — возмутился он.

— Я в тебя верю, — сказала она и отправилась одеваться.

В прихожей она поправила ему воротник и разгладила складки на пиджаке.

— Я приду вечером, — сказал он, ожидая её обычного ответа.

— Нет, — ответила она. — Я тебя не жду.

Он попытался поймать взгляд её зелёных глаз, но она упрямо смотрела в сторону. Поцеловал пальцы и отпустил, и её рука безвольно упала, а он вышел наружу и застыл на крыльце, ожидая, что она вновь откроет дверь и позовёт его обратно. Через пять минут, не дождавшись, он спустился на тротуар и побрёл, предоставив ногам нести его, при этом мучительно вновь и вновь переживая, как он мог позволить ей так легко от себя избавиться.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/74095/2051753>